DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ – НОВЫЙ ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

М.М. Лебедева, Д.А. Кузнецов

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Москва, email: world_politics@mgimo.ru;
КУЗНЕЦОВ Денис Андреевич, преподаватель кафедры мировых политических процессов, сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России, Москва, email: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики. – Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 71-84. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31053 "Мегатренды мировой политики в XXI веке: сферы проявления и развития".

Статья поступила в редакцию: 22.03.2019. Принята к публикации: 20.06.2019

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции, связанные с развитием феномена трансрегионализма в современной мировой политике. Углубление глобализационных процессов, распространение интеграционных практик и тренд демократизации мира – три ключевых мегатренда современности – обусловили совокупность условий для расширения трансрегионального сотрудничества. Авторы анализируют взаимосвязь трех мегатрендов и трансрегионализма, рассматривая последний как особый вариант взаимодействия государств, протекающий на промежуточном между региональным и глобальным уровне мировой политики. Трансрегионализм обусловлен перестройкой политической организации мира, которая протекает на трех уровнях – национальном, уровне системы международных отношений и уровне Вестфальской системы. Активизация негосударственных акторов, увеличение прозрачности границ и трансформация суверенитета в результате интенсификации транснациональных потоков, кризисное состояние ряда старых институтов и форматов взаимодействия в рамках эволюционирующей к полицентричности политической организации мира, поиск новых стимулов роста как национальными государствами, так и региональными объединениями, также стали причинами выдвижения трансрегиональных инициатив. В статье обосновывается выделение трех типов трансрегионализма: 1) сотрудничество региональных интеграционных групп (ЕС-АСЕАН, ЕС-МЕРКОСУР и др.); 2) трансрегиональные форумы, в которых участвуют государства из разных регионов мира (БРИКС, МИКТА и др.); 3) сетевой трансрегионализм как более сложный формат, в котором взаимодействуют как интеграционные группы, так и отдельные государства и группы государств (инициатива "Один пояс и один путь", Транстихоокеанское партнерство и др.). Авторы предлагают определение трансрегионализма и выделяют его функции и раскрывают три возможных сценария: 1) сценарий "трансрегиональной хаотизации", опирающийся на высококонкурентный потенциал трансрегиональных инициатив; 2) сценарий, рассматривающий трансрегионализм как "ступень глобализации", 3) "трансрегиональная мозаика", предусматривающая формирование сети взаимопересекающихся трансрегиональных структур.

Ключевые слова: трансрегионализм, интеграция, глобализация, транснационализация, мировая политическая система, мировая политика, БРИКС, Один пояс и один путь, Транстихоокеанское партнерство, МИКТА.

ФЕНОМЕН ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА И ЕГО ТИПОЛОГИЯ

В науке о международных отношениях традиционно рассматриваются региональный и глобальный уровни взаимодействия, причем акцент делается на межгосударственных отношениях. В свою очередь, в рамках мировой политики в исследования включается и локальный уровень, а также негосударственные и "гибридные" акторы (имеющие одновременно и государственную, и негосударственную природу). Трансрегиональный уровень появился относительно недавно.

Расширение трансрегиональных связей вынуждает исследователей-международников обратиться к изучению этого феномена, включенных в него акторов, степени институционализации трансрегиональных объединений, а также структурных характеристик и эффектов трансрегионализма на эволюцию современной мировой системы. Таким образом, изучение трансрегионализма становится актуальным направлением мирополитических исследований. Работы по трансрегионализму в последние годы появились как в зарубежной, так и отечественной науке [Hänngi, Roloff, Rüland 2006; Ribeiro-Hoffmann 2016; Rajasree 2015; Кузнецов 2017; Ефремова 2017; Воскресенский, Колдунова, Киреева 2017], но до сих пор неразрешенными остаются многие принципиально важные вопросы: что же представляет собой трансрегионализм и в каких типах или формах он проявляется? Какими факторами обусловлено его развитие? Каковы его возможные последствия?

Развитие трансрегиональных отношений стало возможным не только благодаря научно-техническому прогрессу и складыванию глобальной экономики и мирового разделения труда, но и благодаря комбинированному развитию трех ключевых мегатрендов современной мировой политики – глобализации, интеграции и демократизации [Мегатренды в мировой политике... 2019].

В процессе глобализации географический фактор стал терять определяющее значение, а развитие мировой торговли, технологий и логистики предопределило взаимодействие отдаленных друг от друга государств и регионов. Глобализация сформировала возможность межрегионального и, шире, трансконтинентального взаимодействия, интенсивность которого не уступает региональным объединениям. В результате в феномене трансрегионализма, как и для финансистов, наблюдается "конец географии" [O'Brien 1992]. Но следует заметить, что "конец географии" охватывает далеко не все явления мировой политики (так, внутригосударственные регионы и города, выходя на международную арену, пытаются четко обозначить свою территорию [Лебедева 2019: 9]).

Проведение региональными интеграционными объединениями (такими как ЕС, АСЕАН, ЕАЭС и др.) политики открытой интеграции, предполагающей активное взаимодействие с другими странами и регионами, стало еще одним влиятельным фактором, приведшим к распространению трансрегиональных практик.

Наконец, трансрегионализм стал возможен в эпоху демократизации мировой политики, становления полицентричности и продолжающейся пространственной дифференциации мира.

Углубление глобализации, понимаемой как транспарентность национальных границ, обеспечило возможность интенсивного взаимодействия государств и негосударственных акторов, находящихся в разных регионах и на разных континентах, сформировало сложную сетевую среду транснациональных связей, стало одновременно условием и следствием международной торговли, создания торговых и финансово-экономических режимов, совершенствования глобальной

логистической инфраструктуры и дальнейшего развития технологического прогресса. Все это создало благоприятную почву для зарождения трансрегиональных объединений. Кроме того, распространение практики интеграции в различных региональных кластерах мира продемонстрировало эффективность кооперативных моделей взаимодействия и институционализации сотрудничества. В условиях, когда ряд региональных интеграционных образований показали высокие темпы роста и оказались "зажатыми" в узких региональных рамках, единственной возможностью реализации их глобальных амбиций стал трансрегионализм. В случае же региональных объединений, переживающих дезинтеграционную фазу, для входящих в них государств трансрегионализм открыл новые возможности участия в мировой политике на ином, надрегиональном уровне. Благоприятная международная среда для развития такого рода связей сформировалась и под влиянием тренда демократизации, в результате которого открылась возможность не только подключения в орбиту взаимодействия негосударственных акторов, но и создания трансграничных связей различного типа.

В работах, посвященных исследованию трансрегионализма, предлагаются различные его определения. В узком смысле под трансрегионализмом понимаются формальные отношения между региональными объединениями и/или группами государств из разных регионов мира [Hänngi, Roloff, Rüland 2006; Ribeiro-Hoffmann 2016], в широком – все виды международных связей на уровне между региональным и глобальным [The Regional... 2019]. В целом трансрегионализм можно определить как новый этап глобализации, заключающийся в формировании крупных международных функциональных кластеров в результате укрепления глобальных транснациональных, межрегиональных связей и взаимозависимости, а также целенаправленной политики государств и региональных интеграционных групп по формированию общих политических, экономических и социетальных пространств [Кузнецов 2016: 24]. Трансрегионализм – процесс институционализации сотрудничества между региональными объединениями и государствами из разных регионов мира.

В настоящее время с учетом типов включенных акторов и форматов взаимодействия можно говорить о формировании нескольких основных типов трансрегиональных связей, которые, конечно, не исчерпывают всего потенциала трансрегионализма.

Первый тип можно обозначить как межрегионализм, или, как его называют в англоязычной литературе – интеррегионализм (см., например [Hänngi, Roloff, Rüland 2006; Reiterer 2006; Rüland 2010]), который представляет собой связи двух интеграционных объединений (см. рис. 1) или интеграционного образования с отдельным государством (см. рис. 2). В первом случае, как предлагают Винод Аггарвал и Эдвард Фогарти, можно говорить о "подлинном межрегионализме" (сотрудничество интеграционных объединений), во втором – о "гибридном" [Aggarwal, Fogarty 2004: 5-6]. Наилучшим образом этот тип трансрегиональных связей можно продемонстрировать на примере Европейского союза, который уже выстроил вокруг себя сеть межрегиональных связей в результате закрепления своей международной правосубъектности в Лиссабонском договоре, пытаясь сформировать общую внешнюю политику и политику безопасности. Наиболее яркий пример связей ЕС с другими интеграционными объединениями – отношения ЕС и АСЕАН. В соответствии со стратегией 2015 г. "ЕС и АСЕАН: партнерство в стратегических целях" развитие двусторонних отношений между интеграционными блоками будет реализовываться в самом широком круге сфер:

это и продвижение региональной интеграции в Юго-Восточной Азии, и торговля, и диалог по правам человека, и сотрудничество по проблемам устойчивого развития, науки, образования, в области культурного обмена, проблемам безопасности и т.д.[1] Важно и то, что сотрудничество ЕС и АСЕАН стало основой для формирования масштабного Форума "Азия – Европа" (АСЕМ) [Koldunova 2010], который включает в себя более 50 государств огромного евразийского пространства. Однако по целому ряду политических и экономических причин отношения ЕС и АСЕАН не вышли за пределы диалога, стороны не смогли сформировать зону свободной торговли. Тем не менее эти связи свидетельствует о стремлении интеграционных групп найти источники роста вовне, а также об усилении сцепки так называемой глобальной триады мировой экономики – Северной Америки, Европы и Большой Восточной Азии, в рамках которой ЕС хотел бы выступать связующим звеном. Активно, хотя и менее успешно, продолжается сотрудничество ЕС с общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР).

Рисунок 1 (Picture 1)

Межрегиональные связи. ЕС – АСЕАН

Interregionalism. EU – ASEAN

ЕС выстраивает внешние связи и с отдельными государствами. В 2017 г. было заключено соглашение между ЕС и Канадой о создании Всеобъемлющего экономического и торгового партнерства (СЕТА). Сложнее проходят переговоры с США о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), призванного углубить торгово-экономические и политические связи в Северной Атлантике. С приходом на пост президента США Дональда Трампа проект был заморожен, что, однако, не означает полного отказа от него в перспективе: переговоры о создании экономического союза между США и ЕС шли и до проекта о ТТИП – достаточно вспомнить проект Трансатлантической зоны свободной торговли (ТАФТА). Формируя сложную сеть трансрегиональных связей, Европейский союз не только находит новые источники роста, но и укрепляет собственную региональную идентичность, поскольку в рамках

[1] *Joint Communication to the European Parliament and the Council the EU and ASEAN: a Partnership with a Strategic Purpose 2015. European Commission*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=JOIN:2015:22:FIN&from=EN (accessed 01.03.2019); ASEAN-EU Plan of Action (2018-2022). URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/asean-eu_plan_of_action.pdf (accessed 01.03.2019).

переговоров выступает как единый блок в лице Европейской комиссии, что требует консолидации в вопросах внешней деятельности.

Рисунок 2 (Picture 2)

Межрегиональные связи. ТТИП
Interregionalism. TTIP

Подобного рода связи активно развиваются и за пределами ЕС: СНГ и МЕРКОСУР, АСЕАН+6, АСЕАН и Россия, ЕАЭС и Египет и т.д. Такой формат требует определенной степени консолидации в рамках региональных интеграционных объединений, выступая одновременно и как лакмусовая бумажка региональной и институциональной идентичности того или иного регионального объединения, и как фактор, способствующий ее усилению.

Второй тип трансрегиональных связей представляет собой отношения между отдельными государствами из разных региональных кластеров мира – региональными и субрегиональными лидерами. Условно такой тип взаимосвязей можно назвать трансрегиональными форумами, поскольку чаще всего у них нет учредительного документа, постоянно действующего секретариата и других признаков международной организации. Обычно решения, принятые в рамках таких объединений, носят характер деклараций, и процесс институционализации приобретает длительный и постепенный характер. В качестве примеров такого типа связей приведем БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и МИКТА (Мексика, Индонезия, Республика Корея, Турция и Австралия).

БРИКС (см. рис. 3) сформировался в 2000-е годы в условиях мирового кризиса и роста новых лидеров развивающегося мира. С самого начала он опирался на общие позиции пятерки (сначала четверки БРИК) на траектории развития мировой системы: верховенство международного права и ООН, реформирование существующих и создание новых глобальных, трансрегиональных и региональных финансово-экономических институтов, обеспечение устойчивого развития и оказания помощи развитию, расширение трансрегионального сотрудничества на всех уровнях и по широкому кругу сфер: от безопасности до науки и образования. Долгое время БРИКС оценивали то как союз “ревизионистских” держав, то как исключительно экономическое

объединение, но тем не менее форум подтверждает свою сложную комплексную природу и остается важным актором современной мировой политики.

Рисунок 3 (Picture 3)

Трансрегиональный форум. БРИКС
Transregional Forum. BRICS

В объединение МИКТА (см. рис. 4) вошли страны, причисляющие себя к так называемым срединным державам, т.е. государствам, обладающим тем или иным ресурсом влияния или их совокупностью, что дает им лидерство в отдельном субрегиональном пространстве или в определенной нише, обеспеченной им развитием глобализации [Robertson 2017; Шлыков 2017: 129-132]. Как и в рамках БРИКС, сотрудничество МИКТА нацелено на широкий круг вопросов – от торговли и борьбы с терроризмом до гуманитарного сотрудничества. Важная особенность второго типа трансрегиональных связей заключается в более активном вовлечении негосударственных и гибридных акторов – транснациональных корпораций, неправительственных организаций, университетов, мегаполисов и т.д.

Рисунок 4 (Picture 4)

Трансрегиональный форум. МИКТА
Transregional Forum. MIKTA

Комплексность и многоуровневость трансрегиональных форумов обеспечивает их устойчивость и способствует дальнейшей институционализации. Неслучайно в рамках БРИКС созданы и функционируют Новый банк развития, Академический форум БРИКС, Сетевой университет БРИКС, Деловой форум, Форум по вопросам урбанизации, Молодежный форум, Форум породненных городов и муниципальных образований и т.д. [BRICS Academic Forum... 2015].

Третий тип трансрегиональных связей имеет сложную, сетевую структуру и вовлекает в орбиту взаимодействия как отдельные государства, так и интеграционные объединения и группы государств из разных регионов мира. Примерами такого рода сотрудничества являются Форум Восточноазиатского-Латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ), китайская инициатива "Один пояс и один путь" (см. рис 5), а также Транстихоокеанское партнерство (ТТП) (см. рис. 6). Проект ТТП, как и ТТИП, возник в условиях тупика Дохийского раунда ВТО, когда США и ряд их партнеров устремились к поиску собственной модели общей торгово-экономической политики, выходящей за рамки традиционных торговых соглашений [Horn, Mavroidis, Sapir 2010].

Рисунок 5 (Picture 5)

Сетевой трансрегионализм.
Государства, проявившие особый интерес к участию в инициативе "Один пояс и один путь"
Network Transregionalism. States with Particular Interest in Cooperation within Belt and Road Initiative

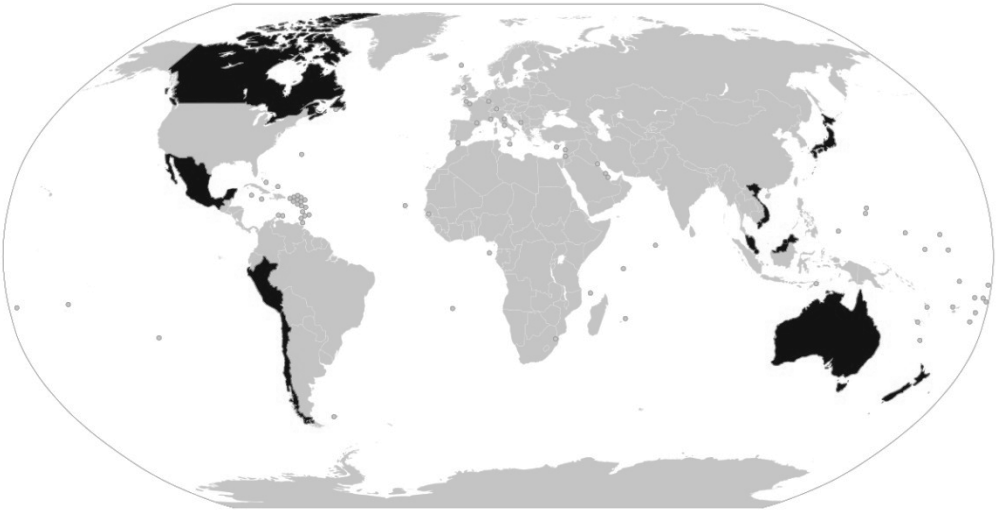
Договор о создании ТТП, переговоры о котором шли долго и носили закрытый характер, содержал не только торговые правила, углубляя правила ВТО (что получило название ВТО-плюс), но и регулировал сферы, традиционно не входящие в спектр регулирования в рамках зон свободной торговли – интеллектуальную собственность, санитарные нормы, права рабочих и т.д. [Стапран, Кадочников 2015: 7] (что получило название ВТО-Экстра). Несмотря на то, что США отказались от участия в проекте (это решение представляется обусловленным политической конъюнктурой и может быть лишь приостановкой участия США в реализации этой инициативы на традиционно

ключевом треке своей внешней политики), проект продолжается в рамках "ТТП минус 1" или "ТТП-11" (т.е. 11 государств, включенных в партнерство в настоящее время), где ключевую роль в силу экономического масштаба экономики играет Япония. На фоне переговоров о создании ТТП Китай выступил с собственной и, по сути, альтернативной инициативой, которая в результате слияния двух проектов – "Экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути XXI века" – стала называться "Один пояс и один путь". Китай предлагает собственную модель макрорегионального развития, основанного на транспортно-логистическом, инфраструктурном и торгово-экономическом сотрудничестве на огромном пространстве Евразии, с привлечением в круг акторов как отдельных государств, так и региональных объединений – АСЕАН, ЕС, разрабатывается проект сопряжения с ЕАЭС. Такая инициатива мягкой интеграции рассматривается многими (прежде всего, на Западе) как альтерглобалистский проект [China's Belt... 2017].

Рисунок 6 (Picture 6)

Сетевой трансрегионализм. ТТП

Network Transregionalism. TPP

Так или иначе, ввиду сложности согласования коллективных норм и их реализации оба проекта, ТТП и "Один пояс и один путь", все еще находятся на стадии разработки. Интересно и то, что после выхода из соглашения о ТТП администрация Дональда Трампа выразила интерес к развитию сотрудничества на пространстве Индо-Пацифики – внешнего, прибрежного контура Евразии, основой которого может стать четырехугольник демократий Индо-Тихоокеанского региона – США, Япония, Австралия и Индия[2].

Таким образом, наблюдается появление трех типов трансрегиональных объединений (см. табл.), разных по составу участников и формату, но объединенных общей логикой трансляции интеграционных практик на надрегиональный уровень.

[2] Кортунов А. Индо-Пацифика, или Сообщество единой судьбы. – *Российский совет по международным делам*. 28.05.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/ (accessed 25.07.2019).

Таблица (Table)

Трансрегиональные объединения в современной мировой политике
Transregional Associations in Modern World Politics

Трансрегионализм		
Межрегионализм	**Трансрегиональные форумы**	**Сетевой трансрегионализм**
Региональное объединение + региональное объединение */или/* Региональное объединение + отдельное государство	Государства, представляющие разные регионы мира (чаще всего ведущие мировые или региональные лидеры)	Региональные интеграционные группы + отдельные группы Государства из разных регионов мира + отдельные государства
ЕС – АСЕАН, ТТИП (ЕС – США), СЕТА (ЕС – Канада), ЕАЭС – Египет и др.	ИБСА, БРИКС, МИКТА и др.	ТТП, "Один пояс и один путь", ВАЗЛАФ, и др.

ЭФФЕКТЫ ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА И ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ

Вопрос о соотношении интеграции и трансрегионализма остается открытым. Интеграция традиционно рассматривалась в отграниченных региональных рамках, т.е. содержала в себе определяющий географический компонент. Когда географические ограничители утрачивают свое значение, интеграция может рассматриваться в отрыве от "регионального". Но справедливо ли говорить о трансрегиональной интеграции? Сложность трансрегионализма как феномена современности не позволяет дать однозначного ответа на этот вопрос. Трансрегионализм и интеграция имеют схожую природу, но не идентичны друг другу. С одной стороны, трансрегионализм является формой интеграции, с другой – в трансрегиональных объединениях могут отсутствовать некоторые принципиальные характеристики интеграции. Как известно, интеграция опирается на институционализацию сотрудничества, подписание международных договоров и создание институтов наднационального или межправительственного типа. Если взять БРИКС, то по мере углубления сотрудничества были сформированы собственные институты, выдвинута инициатива создания виртуального секретариата. Таким образом, институционализация и формирование нормативной основы взаимодействия может быть лишь делом времени, что объясняется, вероятно, в некоторых случаях сложностью поиска консенсуса среди участников, которые, в отличие от региональных образований, зачастую не имеют общей исторической, социально-экономической, культурно-цивилизационной судьбы. Сложнее согласуется с понятием интеграции трансрегиональный проект Китая "Один пояс и один путь", который не подразумевает заключения какого-либо единого соглашения, а основан на сложной системе двусторонних и многосторонних обязательств, "сопряжений" и отдельных проектов. Стоит отметить, что в ряде случаев трансрегиональные объединения, наоборот, подразумевают заключение жестких и юридически обязывающих соглашений – таковы, например, проекты ТТП, ТТИП и СЕТА.

Разнообразны и эффекты трансрегионализма в рамках мировой политики. Во-первых, трансрегионализм способствует дальнейшей институционализации [Rüland 2010: 1276] сотрудничества, формированию новых масштабных объединений и правил игры на масштабных пространствах – будь то углубленная экономическая интеграция на принципах ВТО-плюс и ВТО-экстра (как ТТП и ТТИП) или иные более гибкие форматы сотрудничества, нацеленные на развитие инфраструктуры, способствующей торгово-экономическому

взаимодействию. Во-вторых, трансрегиональные объединения выполняют функцию балансирования в широком смысле, обеспечивая государствам и их объединениям возможность формировать структуры, способные обеспечить им наиболее выгодное положение в рамках мировой системы, в том числе и за счет агрегирования ресурсов различного типа. В-третьих, участие в трансрегиональных объединениях дает возможность артикуляции и объединения интересов государств и их союзов, формирования повестки дня и совместного использования ресурсов. Для малых и срединных государств это возможность присоединиться к блоку с участием более влиятельных игроков, найти новые источники роста и развития (как в случае ТТП). Для региональных и глобальных лидеров это возможность преодолеть региональные ограничители роста и эффективно реализовать свои глобальные амбиции и интересы (как в БРИКС). Для региональных интеграционных блоков это возможность усилить внутреннюю региональную идентичность и консолидироваться ввиду необходимости вести общую внешнюю деятельность (ЕС и АСЕАН). Наконец, трансрегионализм расширяет возможности международного диалога на новом уровне – между региональным (ограниченным географическими границами) и глобальным (ограниченным сложностью поиска консенсуса). Подключение к трансрегиональному взаимодействию негосударственных акторов [Söderbaum, Langenhove 2006: 9-10] обеспечивает дальнейшую демократизацию мировой системы, поскольку привлекает более широкий круг участников, нацеленных на развитие кооперативных форматов взаимодействия. Наконец, возникновение конкурентоспособных моделей дальнейшего развития в рамках трансрегиональных инициатив стимулирует поиск эффективной модели глобального управления, хотя и несет в себе угрозу "распада" мира на конкурирующие трансрегиональные объединения, что может оказывать на глобализацию "разрывающий" эффект.

Развитие трансрегионализма также подвержено действию процессов демократизации мира в том смысле, что на международную арену выходят все новые акторы. Трансрегиональные объединения – одни из них. В результате в мире наблюдается участие многих субъектов политических процессов, иными словами – своеобразная полиархия, описанная Р. Далем на уровне государства [Даль 2010]. Показательный пример здесь – деятельность МИКТА. В начале 2010-х годов "Большая двадцатка" (G20) уже сформировалась как влиятельный форум в системе глобального управления, при этом внутри нее образовались две группы интересов – "Большая семерка" (G7) и БРИКС, которые за счет встреч их представителей как на полях саммитов G20, так и вне их, могли агрегировать общую позицию по ключевым вопросам мирового развития, а затем выступать с ней в рамках G20. В частности, страны БРИКС смогли продвинуть реформу квотирования Международного валютного фонда. Государства, не представленные в этих двух форумах, создали группу МИКТА [Шлыков 2017: 128-129], что позволило им также консолидировать свою позицию и в той или иной ситуации либо выдвигать собственную инициативу, либо блокироваться с группой развитых государств Запада ("Большая семерка"), либо с группой БРИКС.

Вступление в трансрегиональные объединения может быть фактором и внутриполитических изменений. Так, для Вьетнама, традиционно рассматриваемого как слабейшее звено ТТП, включение в переговоры о Партнерстве означало необходимость нового витка внутригосударственных реформ[3].

[3] Цветков А. Без Китая и с реформами: зачем Вьетнаму Транстихоокеанское партнерство. – *Московский Центр Карнеги*. 14.10.2015. URL: https://carnegie.ru/commentary/61587 (accessed 01.07.2019).

СЦЕНАРИИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА

Учитывая сложность трансрегиональной архитектуры и противоречия ее развития в современной мировой политике, можно выделить три ключевых сценария развития трансрегионализма.

Первый сценарий, который условно можно назвать трансрегиональной хаотизацией, исходит из высокой конкуренции трансрегиональных проектов. Особенно ярко эта конкуренция проявилась в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где одновременно развиваются проекты Транстихоокеанского партнерства, "Один пояс и один путь" и концепция Индо-Пацифики, которая, однако, пока не нашла какого-либо реального политического воплощения. Конкуренция обостряется и тем, что ни один из проектов не смог предложить приемлемую модель сотрудничества для масштабного евразийского и азиатско-тихоокеанского пространства: не все готовы разделить китайскую идею "Сообщества единой судьбы человечества", опасаясь роста влияния КНР; ТТП уже вносит "расколы" в традиционные региональные объединения – например, АСЕАН, не все члены которой (четыре из десяти) поддержали проект Партнерства; многие не готовы принимать жесткие союзнические обязательства со стороны стран – участников проекта Индо-Пацифики[4]. Все это формирует новые разделительные линии, многие из которых затрагивают интересы и позиции современных мировых лидеров – США, Китая, России, Индии, ЕС и других. Поэтому мир сосуществующих конкурирующих трансрегиональных блоков "по интересам" представляется вполне реализуемым сценарием. При реализации такого сценария наибольшее развитие получат форматы сетевого трансрегионализма, поскольку именно они носят высококонкурентный характер.

Второй сценарий, "ступень глобализации", предполагает, что трансрегионализм и глобализация – не только однонаправленные процессы, но трансрегионализм представляет собой этап глобализации. В науке ведется дискуссия о том, являются ли глобализация и регионализация одновекторными или противоположными друг другу процессами [Мировое комплексное регионоведение 2014]. Тем не менее отказ от политики "закрытого регионализма" и курс на реализацию политики нового или открытого регионализма региональными интеграционными объединениями, которые в поисках стимулов роста устремились к выстраиванию внешних связей, может быть свидетельством направленности регионализации через трансрегионализм к глобализации, последняя из которых представляется конечным их результатом. В таком случае трансрегионализм может стать промежуточным звеном глобализации, т.е. сущностно представлять собой плавное перерастание в единую глобальную структуру. Данный сценарий прежде всего связан с ускоренным развитием межрегионального типа взаимосвязей и трансрегиональных форумов, т.е. взаимодействия региональных структур и лидеров.

Третий сценарий – "трансрегиональная мозаика" – описывает вероятное формирование пестрой, но конструктивно развивающейся сети взаимопересекающихся трансрегиональных структур, по сути, разрастание эффекта "миски спагетти" (*spaghetti bowl*) [Majluf 2004: 14] на надрегиональном уровне. Практики подобного взаимоналожения уже отработаны на региональном уровне – ярким примером такого пересечения является регион Латинской Америки и Карибского бассейна, где государства могут одновременно участвовать в различных объединениях – МЕРКОСУР, УНАСУР, Боливарианский альянс

[4] Кортунов А. Индо-Пацифика, или Сообщество единой судьбы. – *Российский совет по международным делам*. 28.05.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/ (accessed 25.07.2019).

(ALBA), CELAC и др. Если такая практика будет реализована на надрегиональном уровне, это консолидирует подлинный трансрегиональный уровень международных отношений и мировой политики, лишая его возможности перерасти в глобальный, что не позволяет считать трансрегионализм этапом глобализации. Такой сценарий, опирающийся на сложный сетевой характер международных отношений и мировой политики, усиленный углубляющейся транспарентностью границ, делегированием суверенитета и все более заметной ролью негосударственных акторов, приближает к созданию "мира регионов", "концерта регионов" – эти концепты используют Питер Катценштайн и Ральф Ролофф, а также другие исследователи, работающие в рамках теории нового регионализма [Katzenstein 2005; Roloff 2001].

Третий вариант развития трансрегионализма представляется наиболее вероятным, поскольку он включает в себя развитие всех типов трансрегиональных связей в будущем, а значит – усложнение трансрегиональной архитектуры мира. Очевидно, развитие трансрегионализма (впрочем, как и любое развитие) не будет проходить линейно. Периоды интенсивного развития трансрегионализма будут сопровождаться периодами своеобразных "откатов", в ходе которых можно ожидать хаотизацию трансрегионального взаимодействия, выражающуюся в распаде существующих структур [Лебедева 2012]. Таким образом, возможно, что третий сценарий будет частично реализован через первый вариант, связанный с конкуренцией проектов и "естественным отбором" наиболее эффективных из них.

Трансрегионализм – феномен, обусловленный перестройкой политической организации мира, которая протекает на трех уровнях – национальном, уровне системы международных отношений и уровне Вестфальской системы [Лебедева 2016]. Активизация негосударственных акторов и рост их влияния (неслучайно продвижение ТТП было связано в значительной мере с интересами транснациональных корпораций [Логинов, Логинова 2016: 5]), увеличение прозрачности границ и трансформация суверенитета в результате интенсификации транснациональных потоков – факторы, влияющие на перестройку каркаса Вестфальской системы, – сформировали условия для выделения трансрегионального уровня международного взаимодействия. Кризисное состояние целого ряда старых институтов и форматов взаимодействия в рамках эволюционирующей к полицентричности политической организации мира, поиск новых стимулов роста как национальными государствами, так и региональными объединениями, также стали причиной выдвижения трансрегиональных инициатив.

DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06

TRANSREGIONAL INTEGRATION AS A NEW PHENOMENON OF WORLD POLITICS: NATURE AND PROSPECTS

M.M. Lebedeva[1], D.A. Kuznetsov[1]

[1]Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

LEBEDEVA, Marina Mikhaylovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, email: world_politics@mgimo.ru; **KUZNETSOV, Denis Andreevich,** Lecturer of Department of World Politics, Researcher of Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, email: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. Transregional Integration as a New Phenomenon of World Politics: Nature and Prospects. – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 71-84. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31053 "Megatrends of World Politics in the 21st century: Manifestation and Development".

Received: 22.03.2019. Accepted: 20.06.2019

Abstract. The article discusses current trends related to the development of transregionalism in modern world politics. Deepening globalization, spreading integration practices and the trend of democratization – the three key megatrends of world development – provide an environment for increased transregional cooperation. The authors analyze the relationship between megatrends and transregionalism, the latter being considered as a specific type of international interaction which is developed at an intermediate level between the regional and the global levels of world politics. Transregionalism is triggered by the restructuring of political organizations around the world proceeding at three levels: namely political system on nation-states, the system of international relations, and the Westphalian system. New transregional initiatives are also fostered by the greater role of non-state actors, increased border transparency, and transformation of sovereignty due to intensifying transnational flows, the crisis of old international institutions, and the search for new growth stimuli by both national states and regional associations. The article singles out three key types of transregionalism: a) interregionalism, that embraces regional integration groups (EU-ASEAN, EU-MERCOSUR, etc.); b) transregional forums, comprised of individual states from different regions (BRICS, MIKTA, etc.); c) network transregionalism, as more complex ties including integration groups, individual states and groups of states (Belt and Road Initiative, the Trans-Pacific Partnership, etc.). The article highlights the functions of transregionalism and proposes a definition for it. The authors work out three scenarios for the development of transregionalism: 1) the scenario of "transregional chaos," based on the highly competitive potential of transregional initiatives; 2) a scenario that considers trans-regionalism as a "stage of globalization", and 3) a "transregional mosaic" that predicts formation of a network of overlapping transregional groups.

Keywords: transregionalism, integration, globalization, transnationalization, world political system, world politics, BRICS, Belt and Road Initiative, Trans-Pacific Partnership, MIKTA.

References

Aggarwal V., Fogarty E. 2004. Between Regionalism and Globalism: European Union Transregional and Interregional Trade Strategies. – *European Union Trade Strategies: Between Globalism and Regionalism*. London: Palgrave. 68 p. URL: http://basc.berkeley.edu/pdf/articles/Between%20Regionalism%20and%20Globalism%20European%20Union%20Trade%20Strategies.pdf (accessed 01.03.2019).

BRICS Academic Forum (7th). 2015. Ed. by Georgy Toloraya. Moscow: NCR BRICS.

China's Belt and Road: a Game Changer? 2017. Ed. by Alessia Amighini. ISPI.

Hänngi H., Roloff R., Rüland J. 2006. *Interregionalism and International Relations*. London; New York: Routledge.

Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. 2010. Beyond the WTO? The Anatomy of EU and US Preferential Trade Agreements. – *The World Economy*. Vol. 33. No. 11. P. 1565-1588. https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2010.01273.x

Katzenstein P.J. 2005. *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Koldunova E. 2010. Next-Time, at ASEM! Theory and Practice of Interregional Relations: Russia, Take Note. – *International Affairs, Special Issue: Russia and ASEAN*. P. 23-28. URL: https://interaffairs.ru/i/pdf_asean/4.pdf (accessed 01.03.2019).

Majluf L.A. 2004. Swimming in the Spaghetti Bowl: Challenges for Developing Countries under the "New Regionalism". – *Policy Issues in International Trade and Commodities. Study Series No. 27*. UNCTAD: New York. 34 p. https://doi.org/10.2139/ssrn.1280188

O'Brien R. 1992. *Global Financial Integration: The End of Geography*. London: Royal Institute of International Affairs; Pinter Publishers.

Rajasree K.R. 2015. The Evolution of Transregional Cooperation: A Case Study of Indian Ocean Rim Association for Regional Cooperation (IOR-ARC). – *Online International Interdisciplinary Research Journal*. Vol. 5. No. 5. P. 287-299. URL: http://www.oiirj.org/oiirj/jan-feb2015/36.pdf (accessed 01.03.2019)

Reiterer M. 2006. Interregionalism: a New Diplomatic Tool, the European Experience with East Asia. – *European Foreign Affairs Review*. No. 11. P. 223-243.

Ribeiro-Hoffmann A. 2016. Inter- and Transregionalism. – *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Ed. by T.A. Börzel and Th.Risse. Oxford, UK: Oxford University Press.

Robertson J. 2017. Middle-Power Definitions: Confusion Reigns Supreme. – *Australian Journal of International Affairs*. No. 4. P. 335-370. https://doi.org/10.1080/10357718.2017.1293608

Roloff R. 2001. *Europa, Amerika und Asien zwischen Globalisierung und Regionalisierung: Das interregionale Konzert und die ökonomische Dimension internationaler Politik*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.

Rüland J. 2010. Balancers, Multilateral Utilities or Regional Identity Builders? International Relations and the Study of Interregionalism. – *Journal of European Public Policy*. No. 17. P. 1271-1283. https://doi.org/10.1080/13501763.2010.513586

Söderbaum F., van Langenhove L. 2006. Introduction: The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism. – *The EU as a Global Player: The Politics of Interregionalism*. New York: *Routledge*. P. 1-14.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. 2019. Ed. by A.D. Voskressenski, B. Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield; Lexington Books.

Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition (Russ. ed.: Dahl R. *Poliarkhiya: uchastiye i oppozitsiya*. Moscow: HSE Publ. 2010).

Efremova K.A. From Regionalism to Transregionalism: Some Theoretical Conseptualisation of a New Reality. – *Comparative Politics Russia*. 2017. No. 8(2). P. 58-72. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72 (In Russ.)

Kuznetsov D.A. Expert Discussions on Prospects and a Role of Transregional Projects in Eurasia: From Theory to Practical Implementation. – *Comparative Politics Russia*. 2017. No. 8(2). P. 163-171. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-163-171

Kuznetsov D.A. Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization. – *Comparative Politics Russia*. 2016. No. 7. P. 14-24. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25

Lebedeva M.M. 2016. System of Political Organization of the World: "Perfect Storm". – *MGIMO Review of International Relations*. No. 2. P. 125-133. (In Russ.) URL: https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518 (accessed 01.03.2019)

Lebedeva M.M. 2012. Sovremennyye trendy mirovogo razvitiya: novoye kachestvo mira [Modern Trends of World Development: a New Quality of the World]. – *Metamorfozy mirovoy politiki* [Metamorphosis of World Politics]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO. P. 9-32. (In Russ.)

Lebedeva M.M. 2019. Transformation of the Role of Cities and Domestic Regions in World Politics. – *Ojkumena. Regional Researches*. No 1. P. 7-16. (In Russ.) https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-1/7-16

Loginov Ye.L., Loginova V.Ye. 2016. The Trans-Pacific Partnership as the Basis for a Package of US Trade Agreements That Construct a New Outline of Macroeconomic Management. – *Finansy i kredit*. No. 5. P. 2-11. (In Russ.)

Megatrendy v mirovoy politike [Megatrends of World Politics]. 2019. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye [World Comprehensive Regional Studies]. 2014. Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M. (In Russ.)

Shlykov P.V. 2017. In Search for Transregional Alternatives in Eurasia: the Phenomenon of MIKTA. – *Comparative Politics Russia*. No. 8(4). P. 127-144. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-127-144

Stapran N.V., Kadochnikov P.A. Trans-Pacific Partnership: Implications and Risks for Russia. – *APEC Bulletin*. 2015. No. 2. P. 6-15. (In Russ.)

Voskressenski A.D., Koldunova Ye.V., Kireyeva A.A. Transregional and Regional Projects in the Context of "Post-Western" International Reality. – *Comparative Politics Russia*. 2017. No. 8(2). P. 37-57. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57

Литература на русском языке

Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. 2017. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях "постзападной" международной реальности. – *Сравнительная политика*. № 8(2). С. 37-57. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57

Даль Р. 2010. *Полиархия: участие и оппозиция*. Пер. с англ., под ред. С. Деникиной, В. Барановой. М.: Изд-во ГУ ВШЭ.

Ефремова К.А. 2017. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности. – *Сравнительная политика*. № 8(2). С. 58-72. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72

Кузнецов Д.А. 2016. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации. – *Сравнительная политика*. № 7. С. 14-24. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25

Кузнецов Д.А. 2017. Дискуссии экспертов о перспективах и роли трансрегиональных проектов в Евразии: проблемы теоретического осмысления и практического воплощения. – *Сравнительная политика*. № 8(2). С. 163-171. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-163-171

Лебедева М.М. 2012. Современные тренды мирового развития: новое качество мира. – *Метаморфозы мировой политики*. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО. С. 9-32.

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: идеальный шторм. – *Вестник МГИМО*. № 2. С. 125-133.

Лебедева М.М. 2019. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. – *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. № 1. С. 7-16. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-1/7-16

Логинов Е.Л., Логинова В.Е. 2016. Транстихоокеанское партнерство как основа пакета торговых соглашений США, конструирующих новый контур макроэкономического управления. – *Финансы и кредит*. № 5. С. 2-11.

Мегатренды в мировой политике. 2019. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс.

Мировое комплексное регионоведение. 2014. Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М.

Стапран Н.В., Кадочников П.А. 2015. Транстихоокеанское партнерство: последствия и риски для России. – *Вестник АТЭС*. № 2. С. 6-15.

Шлыков П.В. 2017. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: феномен МИКТА. – *Сравнительная политика*. № 8 (4). С. 127-144. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-127-144